

В пустом дворе ветхой, но опрятной усадьбы старик в белом китайском костюме смотрел на Сюй Гэ с таким выражением лица, которое почти можно было назвать оцепенением.

Сюй Гэ слегка развернула корпус вправо, перенося вес на правую ногу. В то же время она подтянула правую руку к груди, держа её горизонтально, ладонью вниз, а левую руку провела перед собой по дуге справа налево, под правую, ладонью вверх. Обе ладони оказались обращены друг к другу, словно она обхватывала невидимый шар. Левая нога тут же приставилась к внутренней стороне правой, коснувшись земли носком.

Старик Юй пробормотал себе под нос: С помощью сознания направлять ци, куда мысль — туда и ци. Куда устремлена воля, туда направляется дух. Дух — военачальник, тело — его слуга... Это... это мой Дикий конь гриву стряхивает...

Это не был тот мягкий, выхолощенный тайцзи, который показывают для разминки. Это был его личный, смертоносный тайцзи... В движениях этой девушки, если не считать отсутствия его многолетней внутренней силы, прослеживалась та же техника убийства, что и у него самого.

Раньше он полагал, что Сюй Гэ, возможно, была ученицей какого-то мастера-отшельника, но теперь он был готов поверить, что она столкнулась с тайцзи впервые. Физические данные у всех разные, и, подобно тому как одна и та же одежда не может подойти всем женщинам, так и комплекс упражнений не может быть идеальным для каждого.

После того как его вместе с молодым господином изгнали из семьи Лин, он долгие годы провёл в раздумьях и исследованиях, в итоге доработав этот комплекс тайцзи под себя. Все эти годы он жил в этой усадьбе, и никто, кроме молодого господина, не видел этой техники.

Слова могут лгать, мимика может лгать, но подсознательные реакции тела — нет. Если бы она училась у других мастеров, в её движениях неизбежно проскальзывали бы следы иных школ... Но эта девчушка словно повторяла его самого, в её движениях не было ни намёка на другие стили.

Сюй Гэ продолжала упражнение. Корпус снова повернулся вправо, левая рука естественно опустилась, ладонь развернулась и по дуге прошла перед животом к левому ребру, ладонью вверх. Левая рука согнулась в локте, ладонь развернулась вниз и притянулась к правой стороне груди, обе руки снова образовали шар. В то же время вес тела переместился на правую ногу, левая нога приставилась к правой, носок коснулся земли.

Глаза старика Юя засияли: Движение ци подобно жемчужине в девяти изгибах — проникает повсюду. Приложение силы подобно закалённой стали — нет ничего, что нельзя было бы сокрушить. Формой она подобна соколу, бросающемуся на зайца, духом — коту, охотящемуся на мышь. Искать прямое в кривом, копить силу перед выбросом. Сбор — это и есть высвобождение, непрерывность без разрывов... Оказывается, мой Захват хвоста воробья выглядит вот так.

Спустя некоторое время Сюй Гэ медленно опустила руки. Через мгновение она открыла глаза,

и её озорная улыбка вмиг разрушила ореол мастерства: Ну как, старик Юй? Теперь я гений, какого раз в сто лет встретишь?

Старик Юй горько усмехнулся: Не то что раз в сто лет, не то что гений... Ты просто любимица Дао, какая рождается раз в тысячу лет.

Сюй Гэ обожала, когда её хвалили. Услышав такие слова от столь почтенного человека, она почувствовала себя так, словно в самый жаркий день съела целое ведро мороженого. Совершенно не смущаясь того, что это был результат «читерства» системы, она скромно, не краснея, ответила: Ну что вы, что вы! Я, конечно, гениальна, но до того, о чём вы говорите — до всесторонне одарённого и выдающегося мастера — мне ещё далеко...

Юная госпожа-целительница... тебя ведь зовут Сюй Гэ? — старик Юй посмотрел на неё, помолчал и вдруг мягко улыбнулся: Хочешь изучать боевые искусства под моим началом?

В кабинете ветхой усадьбы мужчина на инвалидной коляске подъехал к книжному стеллажу. Стеллаж был невысоким, около метра — его явно изготовили специально для него.

Мужчина развернул коляску, поставил на место книгу, которую держал в руках, и вытянул другую. Полистав её, он поднял взгляд на Цзян Ли: Ты пришла ко мне, значит, у тебя достаточно уверенности.

Мужчину ничуть не смутило то, что Цзян Ли привела для его лечения сопливую девчонку. В конце концов, сейчас в мире не было человека, который желал бы ему жизни меньше, чем сама Цзян Ли.

Цзян Ли усмехнулась: Разумеется. Если ты случайно умрёшь — невелика беда, но вот если пропадут вещи, которые у тебя в руках, — это катастрофа. В моих глазах те одиннадцать процентов акций корпорации Цзян стоят гораздо дороже, чем твоя жизнь.

Мужчину не задел тон Цзян Ли, он тихо рассмеялся: Когда старик Цзян скончался, я думал, что твои двадцать пять процентов акций быстро растащат голодные волки. Не ожидал, что спустя три года ты не только останешься в живых, но и вернёшь десять процентов, которые были у семьи Лян.

Лицо Цзян Ли оставалось бесстрастным: Эти люди... я должна поблагодарить их за то, что они научили меня, как выживать и как жить ещё лучше.

А что до тебя... — она посмотрела на мужчину, который даже в зрелом возрасте сохранял удивительную красоту, и вдруг улыбнулась: Твой отец изгнал тебя из семьи Лин ради тех десяти процентов, что у тебя в руках. Ты уверен, что не хочешь их ему отдать?

Если я отдам ему акции, он убьёт меня ещё быстрее. Семья Лин не кормит дармоедов, — мужчина безмятежно улыбнулся. — В любом случае, старик скоро отправится на тот свет, останутся только эти два щенка. Не думаю, что они способны на что-то серьёзное.

Двое щенков в его семье были отнюдь не простаками. Согласно отчётам отдела сбора информации, не говоря уже о Лин Юане, который сейчас ворочал делами в торговле, даже тот, кого раньше считали гулякой, в последнее время проявлял недюжинные способности. Но Цзян Ли не собиралась говорить об этом мужчине. Пусть псы грызутся между собой — это было ей только на руку.

Размышляя об этом, она сохраняла на лице нечитаемую улыбку: Лин Минлан, не ожидала, что даже с пулей в голове ты сохранишь такую ясность ума.

Лин Минлан перевернул несколько страниц пожелтевшего древнего фолианта: Помнишь, я говорил тебе давным-давно, Цзян Ли? Мы с тобой похожи. Думаю, мы могли бы сотрудничать.

Цзян Ли слегка нахмурилась и промолчала.

Лин Минлан продолжил: Ты уже вольно или невольно втянула ту девчонку в водоворот этого бедствия. Во-первых, её чудесные методы лечения — это как владеть сокровищем, не имея сил его защитить. Во-вторых, вылечить меня — значит совершить непростительный грех. Если ты не возьмёшь её под защиту, как такая бесправная девчонка сможет спастись от объединённой охоты семей Лин, Лян и Сун?.. Когда ты прислала её лечить меня, ты ведь уже решила, что отправляешь её на смерть, не так ли?

Холодная, бессердечная, эгоистичная — ради выгоды ты без колебаний отбросишь любые узы. Даже если секунду назад могла открыть кому-то душу, в следующую — без тени сомнения убьёшь. О, какое великолепное, какое совершенное существо! — проговорив это с пафосом, достойным оперной арии, Лин Минлан посмотрел на Цзян Ли. — Когда тебе было восемнадцать, я сказал: если выживешь, мы будем сотрудничать. Это предложение до сих пор в силе.

Цзян Ли промолчала. Она медленно подошла к окну и распахнула резные деревянные створки. Во дворе старик в белом костюме терпеливо обучал приёмам, а рядом с ним удивительно красивая девушка старательно и усердно повторяла движения.

Её улыбка была такой яркой, словно первый луч света, пробившийся сквозь горизонт, способный рассеять любую тьму.

Это был первый раз в жизни, когда Цзян Ли встретила кого-то, кто мог бы её сломить. Хитрую и глупую, жестокую и добрую. Она могла смеяться над ней без задней мысли, а могла поставить в тупик одним словом. Впервые за всю жизнь — жизнь, полную убийств и погонь, жизнь, в которой она привыкла быть одинокой — Цзян Ли захотела с кем-то подружиться.

Однако в ушах зазвучали слова деда перед смертью: Если однажды появится человек, который заставит твоё сердце дрогнуть — убей его.

Проигрыш на поле боя оставляет шанс на выживание, но поражение в глубине души означает, что ты навсегда окажешься под чьим-то контролем.

Она обернулась и посмотрела на Лин Минлана, уверенно улыбавшегося ей: Что ж, тогда договорились.

Пуля в голове Лин Минлана застряла в опасной близости от нервных узлов, достигнув хрупкого равновесия — именно поэтому он остался жив. Попытка извлечь её несла девяностопроцентную вероятность повреждения нервов и смерти мозга.

Изначально Лин Минлану было всё равно, что в голове у него кусок железа, но в последние годы ткани мозга начали разрастаться, обволакивая пулю. Давление на нервы усилилось, что привело к параличу нижних конечностей. Мозг — самая загадочная и уязвимая часть тела, и если так пойдёт дальше, через полгода его ждёт полный паралич, отказ всех функций организма и смерть.

Сюй Гэ не была профессиональным хирургом, поэтому требовался врач, который проведёт трепанацию, а она лишь должна была применить свою чудесную технику, чтобы восстановить повреждённый мозг после операции.

Цзян Ли взяла отпуск для себя и Сюй Гэ, так что девушка могла спокойно ждать, коротая время за изучением различных стилей боя у старика Юя.

Примерно через неделю лучший нейрохирург мира, о котором говорила Цзян Ли, наконец прибыл в эту ветхую усадьбу. Он привёз с собой горы сложнейшего медицинского оборудования, и Сюй Гэ впервые так ясно ощутила силу денег.

И всё-таки учительница в начальной школе была права! Проклятый капитализм!! Каждая его пора сочтётся греховной кровью, пролитой при эксплуатации пролетариата!!!

Сюй Гэ: ...Но учитель, я тоже так хочу, что же мне делать? (глаза на мокром месте).

<http://bllate.org/book/21767/2251028>